

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ США

Уолтер Лафибер
(Корнелльский ун-т, США)

В историографии внешней политики США XX в. можно выделить четыре периода. Творческая активность ее родоначальников (Кулиджа, Денниса, Бимиса, Бейли) пришлась на период, охватывающий чуть более полувека; ими были опубликованы труды, выполненные на высоком научно-исследовательском уровне, но в то же время проникнутые духом национализма; при изучении международных отношений в центре внимания указанных историков находились Соединенные Штаты. Этого следовало ожидать. К примеру, на работы Кулиджа и Денниса наложили непосредственный отпечаток последние события — превращение США после 1890-х годов в империю. Они менее были склонны к критике империи (хотя некоторые оценки Денниса близки раннеревизионистским), нежели к объяснению и во многих случаях к прославлению экспансионизма. Если их современник, Генри Адамс, написал крайне пессимистичную, пронизанную глубокой тревогой историю XX в. (что как бы превращает его еще и в нашего современника), то Кулидж, а в дальнейшем Бимис создали труды по дипломатической истории США, вызвавшие широкий отклик массового читателя. Им это удалось не в последнюю очередь благодаря тому, что они были уверены не только в том, что Америка переживает прекрасную, светлую пору, сравнимую с ясным солнечным утром, но и что крах глобальной системы США вообще невозможен. Генри Адамс, напротив, был убежден в том, что все империи обречены на гибель, видя в этом неопровержимую закономерность. Бимис полагал, что принципы американского образа жизни универсальны и могут не только служить примером и быть распространены на другие нации, но и гарантировать американизацию мира и покончить с причинами, приводящими к упадку другие менее просвещенные империи, такие, как Британская и Испанская¹.

В 1940–1950 гг. начался второй этап в развитии историографии внешней политики США. Джордж Кеннан, Рейнольд Нибур, Уолтер Липпман и Ганс Моргентау возглавили новую школу так называемых реалистов, которые кое в чем следовали за Бимисом (спустя приблизительно полвека мы можем только восторгаться тем, как они это делали) и которые считали необходимым применение Соединенными Штатами силы в отношениях с другими странами (порой даже это

Перевод М.М.Сиротинской.

¹ Coolidge A.C. The United States as a World Power (1908); Dennis A.L.P. Adventures in American Diplomacy, 1896–1906. (1928, 1969); Bemis S. Flag. A Diplomatic History of the United States (4th ed., 1955); Bailey Th.A. A Diplomatic History of the American People (10th ed., 1980); Adams H. The Education of Henry Adams (1930). P. 331–390, 426–488.

прославляя). Но, кроме того, они являлись и последователями Генри Адамса, разделяя его пессимистический взгляд на то, что использование силы отрицательно влияет на характер человека. "Реалисты" вынуждены были с неохотой признать, что рано или поздно американская империя, такая, какой она сложилась после второй мировой войны, придет в упадок и погибнет. "Реалисты" особенно опасались этого окончательного краха империи в условиях, когда народ и его правительство глубоко впитали в себя принципы Вудро Вильсона, прониклись верой в исключительную миссию американцев в истории, в то, что их государство якобы воплощает тот тип демократии, которым следует одарить другие народы (для их же собственного блага) и этот дар должен ограничиваться лишь немногими рамками и не должен никем оспариваться идеологически. Нибур, Кеннан, Липпман, Моргентау и их последователи практически не прибегали к какой-либо претендующей на универсальность политической идеологии, будь то идеология вильсоновская или марксистская. В то же время, однако, они верили в то, что использование Соединенными Штатами военной и экономической силы дает благотворные результаты, если эта сила применяется избирательно (в особенности в Европе и в Японии; остальной мир, главным образом выходящие на политическую арену народы Африки, Латинской Америки и Азии еще не достигли той стадии промышленного развития, чтобы обратить на себя внимание "реалистов") и если применение силы находится под контролем опытных космополитов, таких, как они сами. Книга Кеннана "Американская дипломатия, 1900–1950 гг." (1951), до сих пор рекомендуемая во многих колледжах США для обязательного чтения, и работа Моргентау "В защиту национального интереса" (1951) стали двумя наиболее известными заявлениями "реалистской" школы².

В конце 40-х годов Липпман покинул "реалистский" лагерь, точнее — он решил его покинуть, но полностью расстаться с "реалистами" ему не удалось. Он столкнулся с дилеммой, которая не раз становилась камнем преткновения для многих "реалистов", начиная с конца 40-х и кончая серединой 60-х годов. Они хотели покинуть лагерь "реалистов", опасаясь, что самое известное заявление группы — статья Кеннана (1947 г.), подписанная "м-р Х" и обосновывавшая политику сдерживания в 1947 г., — способствовало взятию на вооружение правительством губительного для казны глобального политического курса, приведшего к размещению американских войск в столь отдаленных регионах, как Юго-Восточная Азия и в некоторых районах Ближнего Востока. Курс этот нельзя было оправдать никакими ссылками на американские интересы. Липпман в книге "Холодная война" (1947) затронул самые острые проблемы политики "реалистов", и хотя объяснял он их с "реалистских" позиций, это не помешало ему предсказать такую трагедию, как война во Вьетнаме, и столь ужасную внешнеэкономическую политику, как рейганомика. Но и Липпман не окончательно покинул "реалистский" лагерь. В 1955 г. он опубликовал "Очерки общественной философии". Проводя в них исторические аналогии и прибегая к политической теории,

² Niebuhr R. Christian Realism and Political Problems (1953); Lippman W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic (1943).

он оправдывал сильную президентскую власть, способную манипулировать и брать верх над конгрессом США и американской общественностью, которые, с точки зрения Липпмана, были чересчур подвержены периодическому влиянию то изоляционизма, то неограниченного вильсонизма. По иронии судьбы случилось так, что этой книгой Липпман помог проложить путь к установлению имперских президентств в 60-х — начале 1970-х годов, которые и в самом деле завели американцев в места, куда Липпман (и Кеннан) не хотели, чтобы они попадали. В этой публикации Липпман изложил аргументы, которые позволили прийти к не таким уж нелогичным выводам подполковнику Оливеру Норту и президенту Ричарду Никсону (который сказал однажды, что, если президент сделал что-то, — значит, это сделано на законном основании), взявшими эти аргументы на вооружение в своей деятельности³.

Дилемма Липпмана, стоявшего одной ногой в "реалистском" стане, а другой вне его, была дилеммой всех "реалистов". Они осознавали необходимость понимания пределов влияния США и в то же время требовали сильного президента, который, к большому сожалению "реалистов", не обязательно разделял бы их взгляды на такой предмет, как пределы его полномочий. Дилемма, с которой столкнулись "реалисты" после 1965 г., являлась "камнем преткновения" для любого демократического общества: как можно осуществлять контроль над государственной властью, если расколотый, недостаточно просвещенный конгресс и в основном неосведомленное, неоднородное общественное мнение, которым манипулируют, не в состоянии удержать контроль над исполнительным органом, обладающим властью.

Перед "реалистами" стояла еще вторая, менее очевидная, дилемма. В центре их исторических исследований был вопрос о применении военной силы. За некоторыми исключениями (например, поздний Нибур) "реалисты" либо игнорировали экономические факторы, либо, как Кеннан в своей книге "Американская дипломатия, 1900–1950", вообще не принимали их в расчет. В 50-х годах это было легко сделать — ведь США достигли такой экономической мощи, что ее можно было даже не исследовать, а просто принять как нечто само собой разумеющееся. Более того, прогрессивных историков (таких, как Бирд, Паррингтон, Бил и Неттелс), создававших историографию межвоенного времени, в которой они подчеркивали, сколь важны экономические факторы, теперь подозревали в постановке проблем, которые, возможно, могли подорвать консенсус, необходимый для ведения "холодной войны". Эти прогрессивные историки решительно отвергали идею сильного президента, ибо он мог, используя свой авторитет, вовлечь нацию в заокеанскую политику. Когда Бирд опубликовал свои последние книги в 1946 и 1948 гг., в которых осудил применявшиеся Франклином Д. Рузвельтом способы вовлечения Соединенных Штатов во вторую мировую войну, "реалисты" немедленно нанесли мощный ответный удар, причинив репутации Бирда столь большой урон, что никто из

³ Lippman W. Essays in the Public Philosophy; Schlesinger A.M., Jr. The Imperial Presidency (1973, 1989). P. 264–266, 457.

исследователей в последующие 10–15 лет не мог даже поставить под сомнение prerogative президента в области внешней политики. Уровень прогрессивной истории в Соединенных Штатах в то десятилетие очень понизился, впрочем, как мы сейчас понимаем, такой уровень был характерен и для более общей и весьма популярной исторической литературы того времени. Институт президентства и общественный консенсус казались непререкаемыми авторитетами, тогда как написание объективной и критической истории — делом неблагодарным и трудным, а это свидетельствовало о том, что американская демократия двигалась к гибели⁴.

Между 1959 г. и серединой 60-х годов начался третий период в развитии историографии внешней политики США. Постепенно на смену "реализму", который уже не мог разрешить собственные противоречия, неожиданно пришел "ревизионизм". Ревизионизм заявил о себе на политической сцене в 1959 г., когда была опубликована книга Уильяма Уильямса "Трагедия американской дипломатии". Книга Уильямса, как отметил известный и явно неревизионистский историк Брэдфорд Перкинс, настолько изменила подход к написанию дипломатической истории США, что в дальнейшем все наиболее значительные труды в этой области во многом строились по принципу диалога с публикацией Уильямса. И хотя данная книга положила начало новым исследованиям, третий период в историографии внешней политики США определила не только она. Труды Бартона Бернштейна, Гэбриела Колко, Ллойда Гарднера, Томаса Маккормика, Рональда Рэдоса и некоторых других ученых способствовали изменению подходов к написанию дипломатической истории США⁵.

Ревизионистским исследованиям присущи некие общие черты: в них вновь в отличие от более ранних работ, особенно "реалистских", существенное значение придавалось экономическим факторам ("реалисты" же вообще сбрасывали их со счетов). Как, однако, недавно подчеркнул Маккормик, "ревизионизм никогда не претендовал на то, чтобы быть однопричинным материализмом... В центре его концепции всегда был конфликт между понятиями общности и императивами дохода... Меньший акцент делался на нужды накопления, определенные капиталистической системой, нежели на сами личности, ключевые

⁴ *Beard Ch.A. American Foreign Policy in the Making, 1932–1940* (1946). Этой книге Бирд дал характерный подзаголовок: *A Study in Responsibilities*; *Idem. President Roosevelt and the Coming of the War, 1941: A Study in Appearances and Realities* (1948). В своей ценной работе Дж.Комбс дает хороший, с многочисленными ссылками, анализ американской историографии конца 40-х — 50-х годов. См.: *Combs J.A. American Diplomatic History: Two Centuries of Changing Interpretations* (1983).

⁵ *Towards a New Past: Dissenting Essays in American History* / Ed. B.J.Bernstein (1968); *Politics and Policies of the Truman Administration* / Ed. B.J.Bernstein (1970) (особенно раздел, написанный самим Бернштейном: *American Foreign Policy and the Origins of the Cold War*); *Bernstein B.J. Les Etats Unis et les origines de la guerre froide* // *Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale*. 1976. P. 51–72; *Kolko G. American Business and Germany, 1930–1941* // *Western Political Quarterly*. 1962. P. 713–728; *Idem. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1941–1945* (1968); *Gardner L. Economic Aspects of New Deal Diplomacy*. 1964; *McCormick Th.J. China Market*. 1967; *Radosh R. American Labor and the Anti-Imperialist Movement* // *Science and Society*. 1964. P. 91–100.

фигуры капиталистического общества, их сложное мировоззрение и свободу действовать в соответствии со своими взглядами на "мир" Маккормик считал, что "недостаточное внимание к структурализму и переоценка идеализма являются слабыми местами ревизионизма", и, как уже отмечалось, он и другие исследователи начали исправлять эти недостатки⁶.

Ревизионизм и дальнейшие его разновидности всегда стремились найти источники силы и показать ее воздействие на общество как внутри Соединенных Штатов, так и за их пределами. Дипломатия это не только наука о применении силы, а часто — и в этом ее отличие от других исторических дисциплин — и о наиболее вопиющем использовании силы (порой в форме военного вмешательства). "Реалисты" начали свой анализ с нации— государства. Ревизионисты же, в свою очередь, часто оспаривали необходимость применения силы, будь то в форме военного вмешательства или неравноправного экономического сотрудничества. В то же время ревизионисты, как и "реалисты", основное внимание сосредоточивали на одной нации — одном государстве. Уильямс, Колко, Гарднер и другие исследователи, каждый по-своему, не то что не допускали, а подвергали сомнению источники и цели государственной власти, особенно власти Соединенных Штатов; в итоге именно их власть после первой мировой войны и главным образом после второй находилась в центре внимания всей мировой системы⁷.

Отмеченные особенности ревизионизма, а именно то, что ревизионисты, изучая американскую идеологию, обращались к экономическим проблемам и сомневались в необходимости применения силы, подчеркну, эти особенности стали очевидны задолго до войны во Вьетнаме, внесшей раскол в американское общество, и до того, как уотергейтские скандалы подорвали имперскую власть президента. Ревизионист подвел к анализу просчетов США как внутренних, так и внешнеполитических; ревизионизм был порожден не вьетнамским конфликтом (хотя война, безусловно, способствовала его популярности и распространению его идей). Ревизионисты подчеркивали, что скорее, исторические, нежели журналистские, изыскания помогут понять проблемы конца 60-х — 70-х годов, ведь для их решения следует обратиться к истокам современной внешней политики США, уходящим в XIX — начало XX в., если не ранее. В книге "Трагедия американской дипломатии" Уильямс приступил к рассмотрению данных проблем начиная с 1890-х годов. В 1962 г. он опубликовал книгу "Контуры американской истории", в которой анализ истоков внешней политики США он начал уже с XVI–XVII вв. Многие другие исследователи относили их к более позднему времени. Все они внесли существенный вклад в ревизионистское истолкование американской дипломатической истории. Примеры тому — изучение Дэвидом Плетчером истоков и альтернатив территориальной экспансии США в 1840-х годах, также как

⁶ McCormick Th.J. Something Old, Something New... // *Diplomatic History*. Summer 1990. P. 425.

⁷ Gardner L. *Architects of Illusion* (1970); LaFeber W. *America, Russia, and the Cold War, 1945–1966* (1967); Parrini C.P. *Heir to Empire; United States Economic Diplomacy, 1916–1923* (1969).

и глубокое исследование Александром ДеКонде приобретения Соединенными Штатами Луизианы в 1803 г.⁸

Неожиданно та область, где основное внимание сосредоточивалось на выработке политического курса узким кругом лиц, на нациях — государствах, ограниченных политических связях и весьма часто на крайне одностороннем объяснении внешней политики США, открывалась и стала доступной как для других дисциплин, так и для более широких, "интернационалистских" подходов. В тот момент мы вступили в четвертый, современный этап в развитии историографии внешней политики США. Вопреки жалобам приверженцев школы "Анналов" это было замечательное, "урожайное" на исследования время, как с точки зрения вклада в науку, так и с точки зрения влияния историографии внешней политики на политические дебаты в США в целом. Мы еще остановимся на характеристике различных направлений данных исследований, а пока подчеркну, что это были не просто научные исследования по американской дипломатической истории, не выходившие за пределы классной комнаты. В конце 70-х, в 80-е — начале 90-х годов значительное влияние на общенациональные политические дебаты оказали труды в области внешней политики США. Анализ Джорджем Кэхэном, Лоуреном Бэрицем и, что особенно необходимо отметить, профессиональными историками и военными вьетнамского конфликта позволил администрации США и, шире, американской общественности сформировать мнение о государственной политике в отношении революций в "третьем мире" в 80-х годах. Результатом этого же анализа было известное выступление министра обороны Каспара Уайнбергера в 1984 г., в котором он изложил шесть предварительных условий, которые должны быть выполнены прежде, чем американские военные вновь согласятся на применение силы за пределами страны. Ни один член кабинета в XX в. не выступал с подобной речью. Она может быть понята в контексте общего анализа исследований по дипломатической истории США с конца 50-х годов⁹

На эти научные труды наложили отпечаток исследования, авторы которых уходили от расстановки политических акцентов и не боялись сосредоточить внимание на одной нации — одном государстве, что было присуще первому поколению "реалистов" и их более поздним последователям. С моей точки зрения, можно выделить три основные черты новых исследований. Первая — это использование достижений других дисциплин, которые, в свою очередь, сами с конца 50-х годов стремительно развивались. К примеру, современная историография внешней политики США многое заимствовала у новых исследований по политической истории, в особенности у научной школы, созданной в университете штата Айова и в Висконсинском университете, где политическая история — не только изучение институтов, но и анализ культуры в самом широком смысле — влияния религиозных, расовых и

⁸ Pletcher D.M. The Diplomacy of Annexation (1973); DeConde A. This Affair of Louisiana (1976).

⁹ Kahin G.McT. Intervention (1986); Baritz L. Baskfire (1985); Summers H.G., Jr. On Strategy (1981); Выступление Уайнбергера см.: News Release. Office of Assistant Secretary of Defense (Public Affairs) // The Uses of Military Power. 1984. Nov. 28. P. 609–684.

этнических групп на политическую жизнь США. Подобный взгляд позволил исследователям международных отношений лучше понять внутри-политическую расстановку сил, определявшую дипломатию; таким образом было положено начало новым исследованиям, в которых поднимались различные темы, в том числе о связи между политическими партиями в период до Гражданской войны и формированием и направлением экспансионистского курса США. Новаторской является работа о движениях за мир, которые оказали большое влияние на дипломатию XX в.¹⁰

Лавина исследований по истории культуры не сразу была в достаточной мере усвоена и привлечена к написанию дипломатической истории; само содержание этих тем свидетельствует о том, что доказать связи между двумя областями сложно, они могут быть и надуманны и умозрительны. Тем не менее на изучение 200-летней истории внешней политики США повлияли — и в ряде случаев значительно, ибо она была во многом пересмотрена, — исследования по новой политической истории и истории культуры; Джойс Эпплби и Дрю Маккой, каждый по-своему, по-новому интерпретировали политическую идеологию 1790-х годов, которая впервые открыла "реалистские" перспективы для дипломатии США; Дж.Стэгг вскрыл новые факты, пролившие свет на то, как Джэймс Мэдисон вовлек конгресс в войну 1812 г.; Джеймс Хайтела и Ричард Дриннон использовали термин "расизм" ("racism") для объяснения американской экспансии в начале XIX в.; Роберт Бейснер прибег к "парадигме" концептуальных изменений в американской политике и обществе для объяснения "новой" американской дипломатии 1890-х годов; Эмилия Розенберг, основываясь, помимо прочего, на работах по социальной истории и истории коммуникаций, дала новое объяснение тому, что она назвала "Распространением американской мечты, 1890–1945" (1982); Майкл Хоуган, Фрэнк Костиглиола и Джоан Хофф Уилсон представили свое понимание культуры 1920-х годов и оценили значение того, что было охарактеризовано политическими историками как "ассоционализм" ("associationalism"), и это позволило по-новому взглянуть на период с 1920 по 1933 гг. Теперь уже никак нельзя назвать данное десятилетие "изоляционистским", как это предпочитали делать "реалисты". Новые исследования также показали, что, по мере того как американские должностные лица все чаще сталкивались с кардинальной для них проблемой противостояния революции, они стремились заменить классовую борьбу классовым сотрудничеством, или так называемым "корпоратизмом" ("corporatism"), акцентировавшим внимание на необходимости увеличения продукции, т.е. на требовании, которое могло бы удовлетворить все классы. Политический курс, при котором решалась бы такая задача, был назван "ассоционализмом". Он был начат Гербертом Гувером и некоторыми другими прогрессистами. "Ассоционализм" способствовал добровольному сотрудничеству рабочих и менеджеров с правительством в целях увеличения продукции и завоевания необходимых рынков, приобретения сырья за рубежом.

¹⁰ Silbey J. Shrine of Party (1967); Peace Heroes in Twentieth-Century America / Ed. Ch.DeBenedetti (1986).

Пример реализации такого подхода — события на Ближнем Востоке в 1920-х годах, когда нефтяные компании США, неофициально поддерживавшиеся (поддержка эта была весьма существенной) Вашингтоном, лишили британские и французские фирмы монополии на эксплуатацию новых нефтяных месторождений в этом регионе¹¹

В литературе о "холодной войне" пример использования принципов "корпоратизма" и модернизированного "ассоционализма" дает получившая премию книга Майкла Хоугана о происхождении и эволюции плана Маршалла. С точки зрения Хоугана, план Маршалла (в наши дни многие оценивают его как единственное величайшее достижение американской дипломатии послевоенного времени) был вызван к жизни менее всего необходимостью отражения советской угрозы — именно эту идею отстаивали многие "реалистские" историки, — нежели стремлением спасти пошатнувшуюся капиталистическую систему, подтачиваемую изнутри, и придать ей прочность. Иначе говоря, это была менее всего проблема военная, сиюминутная и касавшаяся отношений США с Европой, нежели экономическая, культурная, долговременная, — проблема, порожденная внутренними причинами¹².

Вторая черта лучших современных трудов та, что их дополняет информация, почерпнутая в исследованиях по "интернациональной" истории и в области сравнительно-культурного анализа. Это направление в научной литературе названо "интернациональной историей", в противовес более ранним трудам по дипломатической истории, в центре внимания которых — Соединенные Штаты. Этой "интернациональной историей" занимаются на нескольких уровнях. В исследованиях русско-американских отношений Н.Н.Болховитинов и Норман Сол отказались от оценки событий под углом зрения какой-либо одной нации (а такой подход присущ большей части научных трудов) и использовали официальные публикации и архивы не только России и США, но и таких стран, как Германия, Великобритания, что способствовало более полному и глубокому пониманию сложных и исключительно важных взаимоотношений двух государств.

Акира Ираиэ и Джон Дауэр, в числе других, показали, как сравнительно-культурный анализ позволяет совершенно по-новому взглянуть на отношения США с Азией. Эрнэ Мейер, Чарльз Мейер, Фрэнк Костиглиола, Дуглас Литтл и ряд других ученых использовали европейские архивы и вообще исследовали отношения США с Европой под углом зрения европейских государств, что представило им возможность пересмотреть эти отношения в их критический период — в межвоенные годы. Английские исследователи, включая Дональда Уатта, Дэвида Рейнольдса и Кристофера Торна, подтолкнули американских ученых к рассмотрению международных отношений после 1939 г. с точки зрения

¹¹ См. наиболее значительные исследования: *Appleby J. Capitalism and a New Social Order* (1984); *McCoy D. The Elusive Republic* (1980); *Stagg J.C.A. Mr. Madison's War* (1983); *Hietala Th. Manifest Design* (1985); *Beisner R.L. From the Old Diplomacy to the New, 1865–1900* (1986); *Wilson J.H. American Business and Foreign Policy, 1920–1933* (1971); *Costigliola F. Awkward Dominion* (1984); *Hogan M. Informal Entente* (1977).

¹² *Hogan M. The Marshall Plan* (1987).

Лондона и Нью-Дели, Канберры и Оттавы. Недавно опубликованная книга Брюса Камингса о гражданских войнах в Корее и их последствиях заставила нас полностью пересмотреть подход к изучению причин и итогов Корейской войны, которая до этого интерпретировалась в свете столкновения великих держав¹³.

Еще на одном уровне сравнительное изучение культур шло по линии исследования с точки зрения анализа мировых систем, проводимого Фроделем и Уоллерстейном. Один из наиболее свежих примеров глубокого анализа "холодной войны" — книга Томаса Маккормика "Полстолетия в истории Америки" (1989), в которой вопреки названию он рассматривает "холодную войну" в меньшей степени под углом зрения Вашингтона, нежели с точки зрения "периферии" (Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Центральной Америки), происходивших там перемен, подталкивавших Вашингтон к изменению или к полному пересмотру своего политического курса. Подход Маккормика привел его также к выводу, что Соединенные Штаты утрачивали свое экономическое могущество, поскольку система 1944–1945 гг., установленная главным образом после конференции в Бреттон-Вудсе, трансформировалась под воздействием изменений, происходивших за пределами США, — изменений, в свою очередь, трансформировавших систему, в рамках которой американцы (и русские) вели, каждый по-своему, "холодную войну". При анализе мировых систем в некоторых наиболее провокационных трудах, написанных с точки зрения "интернациональной истории", акцент делался не на одной нации или на одном государстве, что было свойственно ранним "реалистам" и их современным исследователям, а был перемещен на международную капиталистическую систему. Такое перемещение позволяет лучше объяснить, почему многонациональные корпорации процветают даже тогда, когда определенные нации-государства утрачивают свое могущество, и почему в наше время отдельные нации-государства все менее и менее способны самостоятельно решить свои экономические проблемы.

Третья и последняя черта современной историографии внешней политики США на первый взгляд, казалось бы, несовместима с объяснением с точки зрения анализа мировых систем и "интернациональной истории". На самом деле все эти подходы неотделимы друг от друга. Я имею в виду исследования, связывающие внешнюю политику с демократической системой, на которой, предположительно, основываются многие положительные стороны американского общества. Теперь стало общим местом повторять, но, возможно, именно поэтому стоит напомнить предупреждение Токвилля 160-летней давности (так как оно совершенно справедливо), что демократия — чрезвычайно слабая система для

¹³ Это многотомный и хорошо известный труд, поэтому нет необходимости его здесь приводить. Особый интерес представляют исследования, опубликованные Н.Н.Болховитиновым (*Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость, 1775–1783. М., 1976; Россия и США: становление отношений, 1765–1815 // С.Л.Тихвинский, Н.Н.Болховитинов, Д.Ф.Траск и др. США. М., 1980), они открывают новые перспективы в связи с использованием российских архивов; предмет исследования второго тома двухтомного труда Камингса — сама Корейская война. См.: *Camings B. The Road of the Cataract.* (1990). Vol. 2.

проведения последовательной, просвещенной и успешной внешней политики, и это представляет опасность. Токвилль опасался того, что у американской демократии появятся серьезные противники и, вероятно даже, изменения приведут к значительному ее ослаблению, когда Соединенные Штаты станут (а Токвилль верил в то, что они призваны стать) мировой державой. Как отмечалось выше, "реалистские" историки фактически глубоко не анализировали такую опасность — они лишь ограничивались осуждением определенной демократической практики (например, отказа конгресса присоединиться к Лиге наций в 1919 г. или повышения престижа опросов общественного мнения), и восхвалением сильной исполнительной власти, для которой не существовало никаких демократических и даже конституционных ограничений. С начала 70-х годов эти взгляды изменились. К сожалению, историки дипломатии только начинают прозревать и осознавать связи между внешней политикой и конституционными правами — связи, которым уже сто лет.

Основная часть работы в этой области проделана специалистами по конституционному праву. Книга Абрама Софэра "Война, внешняя политика и конституционная власть" (1973) представляет большой интерес не только потому, что в ней показано, как первые президенты США, в особенности Джефферсон, применяли статью конституции о главном-командующем для достижения контроля над внешнеполитической сферой и таким образом — для подрыва системы сдержек и противовесов — задолго до Никсона или Норта, но и потому, что книга Софэра — выдающийся вклад в историографию дипломатической истории США в целом. Что касается трудов последних лет, то здесь можно выделить книги Луиса Хенкина, также специалиста по праву, а не по дипломатической истории, написавшего имеющую ключевое значение работу. Особенно важны исследования Гарольда Коха из Йельской юридической школы. Он рассмотрел антииранские скандалы в более широком историческом контексте, что дало ему возможность поднять кардинальные вопросы — о современном внешнеполитическом курсе США и сопутствующем ему усилении исполнительной власти. В то же время работа Коха открывает путь для дальнейших исследований, результаты которых могли бы превзойти по своей значимости изыскания в других областях научных знаний, в аспектах, касающихся жизнеспособности американской демократической системы¹⁴

В дальнейших исследованиях по дипломатической истории США желательно уделять большее внимание этому ключевому вопросу — связи между свободой внутри страны и применением силы за ее пределами. По мере того как Соединенные Штаты будут и далее утрачивать относительную экономическую мощь, а их требования, чтобы быть услышанными мировым сообществом, все более будут зависеть от фактора военного присутствия, президентская власть бедет усиливаться за счет ограничения полномочий конгресса и за счет влияния общественности. В будущих исследованиях должен быть сделан шаг вперед от лучшего понимания конституции к ясному пониманию того, как

¹⁴ Henkin L. Constitutionalism, Democracy, and Foreign Affairs (1990); Koh H.J. Why the President (Almost) Always Wins in Foreign Affairs... // The Yale Law Journal. 1988. P. 1255–2089.

граждане страны по истечении более двух столетий, стали в большей степени зависимы от международной системы, на которую они теперь имеют меньшее (хотя все же существенное) влияние. В связи с тем, что Соединенные Штаты в сравнении с другими государствами утрачивают свою мощь, особенно в экономической и политической сферах, и в связи с тем, что силы, определявшие "холодную войну", конфронтацию между Востоком и Западом, начиная с 1945 г. (если не с 1917 г.), изменяются и трансформируются, у историков дипломатии всегда найдутся темы для обсуждения, имеющие важнейшее значение. Одна из таких тем: как возвыситься над настроениями и обстановкой "холодной войны" и приступить к изучению более важных проблем, — таких, как фундаментальные социально-экономические изменения, произошедшие в мировой системе, их причины, и попытаться объяснить, почему американцы менее, чем прежде, будут влиять на эти изменения. В значительной степени пониманию этих изменений будут способствовать дальнейшие исследования в области сравнительного изучения культур, с использованием междисциплинарных подходов. К примеру, хотя коммунизм утрачивает свое влияние в Латинской Америке, все равно положение в некоторых областях данного региона остается неустойчивым и даже взрывоопасным. В большей части региона на Соединенные Штаты все в меньшей степени смотрят как на верховного военного арбитра. Президенты США не останавливались перед применением военной силы в регионе, и во многих случаях применение силы приводило к обострению, а не к улучшению обстановки, к воссозданию в основном условий, породивших нестабильную ситуацию. Необходимо глубже изучить эти условия и рассмотреть их с различных точек зрения, понять политическую ситуацию, при которой с такой легкостью прибегали к использованию силы, и истоки взаимоотношений, в которых надо искать объяснение современного; положения дел, — такое понимание необходимо для того, чтобы цикл неудач не повторялся до бесконечности. Более того, можно предположить, что история последних примерно 45 лет представляет собой некое отклонение в истории дипломатии США и в истории международных отношений в целом. Вероятно, благодаря дальнейшему изучению мировых систем до 1939 г., и в особенности до 1914 г., мы будем располагать более ценным материалом, нежели тот, который предоставят нам дальнейшие "реалистские" исследования "холодной войны". Так или иначе, находящийся в нашем распоряжении новый инструментарий, открывающиеся перспективы и, настоятельная необходимость, являются стимулом к написанию лучших трудов по дипломатической истории.

В заключение отметим, что было бы, конечно, чрезвычайно полезным, если бы и некоторые другие страны, помимо США, Великобритании и Канады, открывали свои архивы для исследователей, в целях улучшения качества научных трудов, их большей полноты. Мы не добьемся в будущем взаимопонимания в международных отношениях, пока не усвоим все уроки прошлого.